П Р ЗАБОРОВ

ПОЭМА М. В. ХРАПОВИЦКОГО «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА»

Имя Михаила Васильевича Храповицкого (1758–1819) в наши дни известно лишь узкому кругу специалистов — историков русской культуры XVIII — начала XIX века Немногие знали о нем и прежде, хотя ряд его сочинений был опубликован им самим, а затем его племянником Н В Сушковым, сыном Марии Васильевны Сушковой, урожденной Храповицкой, писательницы и плодовитой переводчицы, которая оказала на младшего брата немалое влияние, привив ему, по его собственному признанию, вкус к чтению «хороших книг» [1]

Наиболее ранние литературные опыты М В Храповицкого относятся к началу 1770-х годов, когда он перевел с французского две комедии — Гольдони («Ворчун-благодетель») и Серу («Любовник, сочинитель и слуга»), обе пьесы были тогда же изданы и часто ставились на русской сцене В дальнейшем увидели свет при жизни — его оды «Мы», «На учреждение в России наместничеств», «Вечность», «Весна», два прозаических сочинения — «Разговор уездных дворян о выборе в судьи» и «Слово похвальное императрице Екатерине Второй», посмертно — нечто вроде «лирического дневника» в прозе и стихах («Плод моего уединения» и «Размышление о различных вещах») и еще одна ода — «На достопамятное в России постановление о состоянии свободных хлебопашцев» Наконец, в 1962 году было опубликовано несколько сравнительно небольших фрагментов его поэмы «Четыре времени года» — 80 строк из общего числа 908 [2]

---

[1] Раут на 1852 год М , 1852 С 206

[2] *Заборов П Р* Неизданная поэма М В Храповицкого «Четыре времени года» // XVIII век М , Л , 1962 Сб 5 С 429–434

© П Р Заборов 1999

В творческом наследии Храповицкого «Четыре времени года» — самое крупное произведение, обычно он тяготел к «малым формам», таким как дума, дружеское послание, притча, сонет, эпиграмма[3] Первые наброски поэмы помечены 1777 г., заключительные строки написаны в 1804 г , после чего она, по-видимому, еще долго дорабатывалась Судя по филиграни на бумаге ее белового автографа, а точнее — цифровому элементу этой филиграни (1816), окончательную ее редакцию можно датировать двумя-тремя последними годами жизни поэта.

«Четыре времени года» создавались в период весьма интенсивного усвоения в России западноевропейской описательно-дидактической поэзии — английской, немецкой, швейцарской, французской Большую известность получили у нас «Времена года» Томсона, «Весна» Э. фон Клейста, идиллии С. Геснера, «Времена года» Сен-Ламбера, «Месяцы» Руше, «Сады» и «Сельский житель» Делиля[4] С этими шедеврами «дескриптивного жанра», да и с некоторыми другими его образцами Храповицкий был, конечно, в той или иной мере знаком Однако «Четыре времени года» не являются ни переложением какого-либо из них, ни прямым подражанием. Заимствуя отдельные их черты — мотивы, образы, метафоры, композиционные приемы, следуя уже сформировавшейся традиции, русский поэт создал более или менее оригинальное произведение, посвященное не столько природе и сельской жизни вообще, сколько тем, которые его непосредственно окружали и вне которых он себя просто не мыслил. Основанная на каждодневных наблюдениях страстного «любителя натуры», поэма эта при всей условности его живописания, при всей абстрактности его назидательных примеров и философических раздумий была, в сущности, вполне национальной. В ней отчетливо слышится голос русского человека, искренне верующего, глубоко нравственного, просвещенного и мудрого, чуждого политических страстей, равнодушного к богатству и личному преуспеянию, что само по себе дает ему право на наше внимание, а его несомненный, хотя и довольно скромный поэтический талант лишь подкрепляет это право и, следовательно, делает публикацию его главного творения в достаточной мере оправданной и полезной

Поэма М В Храповицкого «Четыре времени года» печатается по ее беловому автографу РГБ, ф 323, п 1353, № 14, 158 л

---

[3] См ОР РГБ, ф 323, п 1353, 1354

[4] См , например *Левин Ю Д* Восприятие английской литературы в России Исслед и мат Л , 1990 С 164–183

ВЕСНА

Пишу жизнь сельскую, хвалю поля и рощи,
В которых некогда златый был в мире век,
Где дням веселия шли вслед приятны нощи,
Где, быв незлобивым, был щастлив человек
Воспомни, Аполлон, как ты, простясь с Парнасом,
Где с хором умных муз богов прельщал ты слух,
В Адметовых полях приятным флейты гласом
Суровых пастухов смягчил и тронул дух,
Учил их чувствовать жизнь сельскую прекрасну
Заставил отклик там их песни отзывать,
Подобну мне теперь дай флейту ты согласну,
Вдохни исскуство мне ту ж прелесть воспевать
Не вас призвать хочу сим словом Аполлона,
О, древни идолы, невежества сыны,
Которые досель из хижин и со трона
Людскою простотой бывали почтены.
Тебя зову к себе, любезно просвещенье,
Ты, может быть, вселясь в незлобивую грудь,
Соделало с небес на землю посещенье,
Сниди и мне теперь благоприятно будь!
Уже любезное дней ясное светило
Сильнее стало греть, направя к нам свой путь,
Прекрасную весну полмиру возвестило,
Уж ветры теплые с полудни стали дуть,
С нагретых крыл своих весенний дождь стрясают,
От тающих снегов ручьи бегут к долам,
Вскрываясь, гор верхи свой зимний сон бросают,
И все лицо земли являться стало нам,
Хоть вялая трава, остаток лишь осенний,
Сначала кроет ту, но тварь всю веселит,
И жаворонок, сей предвестник нам весенний,
Взвившись под облака, внимать себе велит,
Отголь проталины земли обозревает
И первый он поет возврат весенних дней
Замерзшая земля вновь к жизни воскресает,
Ломая лед, вода шумит в свободе сей,
Как реки, малые ручьи явились полны,
На версты разлились великие в реках,
Несут торжественно свои поспешны волны,
Там плещут озера, возвысясь на брегах,
Стада прилетных птиц порода за другою
Стрелок жестокий! Брось убийственно ружье —
Несут весть радостну, приветствуют с весною,
К местам, где вывелись, в отечество свое
Надежно, весело склоняют путь проворный
Пар тающих снегов синеется вдали,
Влекомый солнцем вверх, полезный, животворный,
Несется ветрами, свежит лицо земли
Ах, скоро зеленью оденется все новой,
Природа расцветит ту множеством цветов,
Расплющась, нежный лист, в пучках уже готовой,
Покроет ветви все деревьев и кустов
По рощам голоса птиц вещих раздадутся,
Наполнит берега птиц плавающих род,
К цветам и бабочки и пчелы понесутся,
Таким позорищем в селах начнется год
И все, кто вне градов жизнь просту провождают,
Трудяся над землей, выходят на поля,
В плугах идти волов тяжелых понуждают
Рачительным трудам послушная земля,
Им лоно теплое дать пищу раскрывая,
Вверяемые ей приемлет семена,
И ратай, в ней свою надежду засевая,
Отходит ждать, пока та будет свершена
Там пастырь на луга, где зелень проседает,
Где первые цветы взор больше веселят,
Чем роза, коя уж средь лета расцветает,
Выводит новые стада младых ягнят,
И щедрая к нему в дарах своих природа
Именье пастыря умножит лишь тогда,
Как летом все его стада различна рода
На пастве пищу зрят обильну без труда,
Им кажет оную врожденное в них свойство,
И юнцы робкие бегут за матерьми
Пастух поет свое беспечное спокойство,
Приметя верный смысл, владеющий тварьми
И теплый, тихий дождь кропит и оживляет
Надежду пашен, где возник осенний сев,
И пашни, кои вновь севец приготовляет,
Их солнце, их зефир сушат, смягчив, согрев.
И сердце смертного согрела умиленьем,
Надежду благ явя, невидима рука
Небесной благости полны животвореньем,
Несутся медленно тончайши облака,
Не чувствует земля их легкого движенья,
Не прячется в траве и насекомых род,
Как зеркало, вода без шума, ни волненья,
Уже прочистился лазурный неба свод,
И солнца с высоты согрело мир блистаньем,
Зеленый света луч листочки осветил,
Наполнился эфир весны благоуханьем,
Прискорбный, немощный отраду ощутил,
Весельем жив младый, бодрее стала старость,
Идут все освежить себя в полях, лугах,
Воспели хоры птиц любовь свою и радость,
Раскинулись цветы на ветвях и травах,
Безмолвны бабочки, журчащи насекомы
Летят и чувствуют, трудятся муравьи
Целебны соки брать, единым им знакомы
Из сокровенных мест, где зиму провели,
Какие разные породы выбегают!
Какие воздухом вмещаются, водой!
И рыбы с глубины к поверхности всплывают
Метать свою икру и греться теплотой
Порода каждая назначенное время
Блюдет, стекается, свой жизни круг твердит
Так веки вечные хранится каждо племя
Неволя ль нудит? — Нет, чувствительность живит!
Кому неведомо бесценно услажденье,
Которое в полях дарует нам весна!

Повсюду царствует в природе пробужденье,
Все к нову бытию встает от зимня сна
Небесной твари дар по тверди разливаясь,
Дщерь солнца теплота и ясный свет лучей,
Тел внешность озаря и внутрь их сообщаясь,
И жизнь и красоту дает вселенной всей
Стихии действуют взаимно, съединенно,
Поит и красит брег шумящая вода,
Здоровым воздухом все в мире оживленно,
На ветвях нежный цвет, предшественник плода
Предметы естества весельем живы, зрятся,
Обширный сей феатр во всей своей красе,
Все части радостно, в порядке населятся,
Займут свои места, любя их твари все
Какое зрелище на живость и устройство
Внимательным умом в веселии взирать!
Какое щастие иметь в себе спокойство,
Свободным духом чтоб себя сим занимать!
Нещастный Любонет Прелестою пленённый,
Прелестою любим, но горестной судьбой
От ней в другом краю со стадом отдаленный,
Оплакивает сей печальный жребий свои
Ни красная весна его не утешает,
Ни ясный солнца луч его не оживит,
И стадо резвое лишь пуще сокрушает,
С товарищьми игра в полях не веселит,
И если сам возьмет свирель печальну в руки,
Поет ужасное страдание свое,
Поет мучение жестокия разлуки,
Поет желанный час, когда узрит ее
Любовь, природы дщерь и всех страстей юнейша,
Наполнит сердце все, когда возжет чью кровь,
Сторонним чувствиям в нем места нет малейша,
В нем радости и слез одна вина, любовь
Не меньше мучится Умила огорченна,
Милона любит та и видит близ себя,
Но лучше б, говорит, была с ним разлученна,
Страдала б меньше я, неверного любя,
Я чаяла б, что он томится, воздыхает
И любит, как и я, от мест сих удален
Но се в глазах моих иною он пылает,
Бежит моей любви, иною уловлен
В отсутствии его дражайшим почитала,
Теперь и при себе его коварным зрю,
Постыдно для меня, что страсть к нему питала,
Ах! то несноснее, что так же им горю
Сладка любовь сердцам, но ревность, но разлука
Всю сладость нежности преобращает в яд,
Однако льстит душе любовная и мука,
Ее врачует вдруг один приятный взгляд
Тщеславный Гордомысл от града удалился,
Прекрасные поля на время посетил,
Хотя он в мирное убежище склонился,
Бунтующих страстей в душе не сократил
Вотще ему покой чертоги представляют,
Вотще прохладну тень веселые сады,
Где воды чистые их зелень оживляют,
Природа редкие дарит ему плоды,
Искусства вымыслы в избытке всюду зрятся,
Стяжал собрание сокровищ без труда,
И тысящи людей в полях его трудятся,
Пасутся на лугах тьмочисленны стада
А он? — Нещастен он и в самой лучшей части!
Спокойства нет ему, нет дружбы, нет любви
Ревнуя вознестись к величию и власти,
Коварствы, ненависть питает во крови,
Кто выше, тот ему во щастии помеха,
Все помыслы о том, врага чтобы попрать,
Кто ниже, тех презреть душе его утеха,
Ему ль спокойствие, ему ль любовь познать?
На прибыль Ненасыт единую взирает
И в дальний край дерзать, в опасный путь готов,
Он злаки и цветы угрюмо попирает,
К природным красотам бесчувствен и суров,
Любовь к стяжанию его по свету водит,
Надеянье богатств манит его, живит,
Сколь часто не корысть, но пагубу находит,
И алчная душа отчаяньем горит!
Так все приятности натуры исчезают
И красная весна так зрится без красы,
Где страсти сильные грудь смертного терзают
Они займут собой все дней его часы,
Они влекут к себе всех сил его стремленье,
Им слабый человек отверсту грудь несет,
Им мужественный дух явит сопротивленье,
Тяжелый хладнокров себя от них спасет,
Разумный различить одни с другими знает,
Умеет вредные в начале истребить,
Полезные принять и их питать желает,
Печется силу их с рассудком согласить,
Среди волненья их спокойством веселится,
Чувствителен к страстям, но сам к себе не мертв,
С рассудком, с совестью для них не разлучится,
Им в дар не принесет дражайших оных жертв
Искусный кормчий так спокоен пребывает,
Несомый ветрами, качаясь на волнах,
На шум, на зыбкость вод с улыбкою взирает,
А робких путников тревожит сильный страх
Так страстный Полемон, так нежная Пальмира
Их к брачному любовь союзу привела,
Судьба, владычица подсолнечного мира,
Им лучшие души сокровищи дала
Он мужествен и тверд в уставах правды, чести,
Им храм в его душе Пороков удален,
Не знает низости, корысти, злобы, мести
К добру в самом себе и в ближнем прикреплен
Она приятностей обилием пленяет,
И сердца, и ума, и нрава добротой,
Кротка, внимательна, весельем оживляет,
Как утрення заря прохладой в летний зной
Почтение к себе есть прочно основанье
Их дружбы и любви умом крепится страсть
Пусть время уменьшит страстей очарованье
Любовь к достоинствам всегда имеет власть

Щастливая чета! Нежнейших чад питают,
Уроки добрых дел примерами дают,
Навычки, склонности рассудком направляют,
От люта семя зла их сердце стерегут
Семейной тихостью, согласием, устройством
Ведут завидну жизнь в вниманиях своих
Не сами лишь одни блаженствуют спокойством,
Щастливы и друзья, кто сердцем любит их
Зри тварь в природе всю, что участь той являет?
Семейство есть предмет единственный везде
Затем весной любовь их кровь воспламеняет,
Затем заботятся средь лета о гнезде,
Младых своих родя, любовию к ним тают,
Любовь согласие в семействах их творит,
И то же чувствовать младые возрастают —
Натура в мире так красу и жизнь хранит
Кому ж небесная премудрость предписала
И пользу в естестве и красоту вкушать,
И благость вышняя почто предпринимала
Огромный мир создать, хранить и украшать?
Предвечным промыслом, щедрот своих рукою
Тебе все смертному Творец определил
Тебе и тварям всем в мир пущенным тобою,
На то вас бытием чудесным наделил
А ты, чтоб получить от жизни услажденье,
Какой надежный путь предпримешь для себя?
С умом и совестью согласно поведенье
Надежно приведет ко щастию тебя
Чувствительность тебе внушит добра исканье,
Рассудок средствы даст добро то получить,
А совесть согласит с незлобием желанье,
Сам Бог природе так велел тебя учить

ЛЕТО

Уже ночную тень по малу освещает
Румяная заря, предшественница дня,
Веселый цвет ее день красный обещает
Лучи, предвестники небесного огня,
Сугубый свет дают лазоревому своду
Уже возносится горящий солнца шар
И, к чувству пробудя дремавшую природу,
С началом дня начнет творенью жизни дар
Оставя птички сон, любезно голосами
По рощам и полям веселый шум чинят
И, утра пользуясь прохладными часами,
Взять пищу и себе и для птенцов летят
Невинные, сетей блюдитесь птицелова,
Зарю предупредя, он в рощу прибежал,
Неволя вечная вам с клеткою готова,
На хитрый вам обман приваду разметал,
Жестокий вас лишит приятныя свободы,
Вы будете стонать, он радость в том найдет
Там в легкой ладие рыбак на тихи воды
С надеждой за своей добычею плывет
Он место изобрав, сеть в волны опускает,
Спокойным жителям воды наводит страх
И их трепещущих с сетями вынимает
Садовник видит рай в возлюбленных садах,
Когда возврат весны природу оживляет
И новые цветы сквозь зелень возрастут,
Вновь чувство радости его увеселяет,
Растет надежда в нем, и дни его цветут
Как землю тщательно готовит, засевает,
Готовит тем себе он множество утех,
Которым предаясь раскаянья не знает,
Щастлив, когда вкушать их может без помех.
Взлелеянный цветок стократно обоняет,
Не хочет глаз спустить со прелестей его,
Вид спеющих плодов заботу ободряет,
Успехом льстится он старанья своего,
От ветра бурного, от солнечного зною
Растенье нежное печется защитить,
И птичка, веселясь кустов и древ красою,
Летит в его сады веселье с ним делить
Там, негой пользуясь, цветет собой природа,
Творит прелестный круг деяниям своим,
Злак, корни, овощи, плоды различна рода
Избыточно одни последуют другим,
И вкусу дать прохлад одни средь лета спеют,
В зной жажду сочностью способны утолить,
Другие к осени на ветвях зеленеют
И прочностью зимой готовы нам служить,
Залоги новых благ лист каждый завивает
Являет вид садов и сердцу и очам
Жилище радости, где смертный обитает,
Где все ему твердит труды полезны нам
Сев майский совершив и жатвы ожидая,
Ужели даст полям оратай отдохнуть?
Спокоится ли сам? — Нет, нивы утобжая,
Готовит к осени — Гордец, приди взглянуть!
Иссохше былие и все, что сотлевает,
Презренно вержется, не мнится годным быть,
То тук дает земле и тварь от ней питает
Природа учит так надменность позабыть
Здесь первый солнца луч селяне предваряют,
Толпами многими рассыпавшись в лугах,
Стадам своим собрать злак новый ускоряют,
Сверкают косы там, звенящие в руках,
Веселый шум и звук окрест их раздается,
Трудятся радостно — и отклик ближних гор
В полуденный лишь зной безмолвен остается
Как тихнет шум воды, так молкнет разговор —
Простая снедь вкусна, коль есть позыв природы
Ключ вод им питие — В тени прохладной древ
Сон легкий царствует — Меж тем, небесны своды
Палящий солнца огнь безоблачны нагрев,
Жарчайшие лучи в долины отражает,
Сушит, и ветерок уносит влагу прочь
По знойных днях заря весь север окружает,
Едва смеркается, едва нисходит ночь
Так в радости ведет и день и жизни время,
Прилежно делом кто занять свой хочет век
Бегущему ж от дел жизнь тягостное бремя,
И в праздности собой скучает человек
Так благость есть небес, что в простоте народы
Повинны снедь себе трудами промышлять
Родятся в праздности пороков многи роды

От них работа нас удобна избавлять
Создатель с бытием дал свойствы нам
столь многи
На то ль, чтоб в лености не действовать
ничем?
В нас все способности суть к радостям дороги
Душа сияет в нас познания лучем
Что больше разум свой ученьем наполняем,
Чем тоне чувствие питает нежна грудь,
Тем шире существа предел распространяем
Сему вняв человек, восстань, прилежен будь
И, свойствы добрые твои употребляя,
Творца благодари и веселись судьбой
Взгляни окрест себя, сон лени оттоняя,
Взаимность ладную имеет мир с тобой,
В себе способности для действия находишь,
Предметы в мире зришь, служащие для них
На вешь прекрасную с утехой взор возводишь,
Прекрасен создан свет во всех частях своих
Согласию твой слух с охотою внимает,
Согласное в лесах ты слышишь пенье птиц,
Тебя журчанье вод, шум листьев утешает,
Тебе приятна речь любезных сердцу лиц,
И отклик по лесам, и глас орудий звонких
Растеньи многие плодом твой вкус дарят,
Пахучие цветы в своих сосудцах тонких
Благоухание тебя ради хранят
Из мягкой зелени постель тебе готова,
Весенняя теплота питает и живит,
От зною летнего укрыть тебя дуброва
Шумящим листвием в прохладну тень манит
Сие вселенныя сношение с тобою
Не есть ли промысла зиждителева власть?
И ты ль, еще в живых, не действуя душою,
Способностям ее попустишь так пропасть?
Рассматривай себя и свет сей сколько можно,
Пределов крайнейших понятия коснись,
Найдешь заняться чем утешиться неложно,
Хотев щастливым быть, брось леность
и трудись
Трудись не в суете, гоняясь за мечтою,
И идол щастия тебя да не прельстит
Предметы различить достойною ценою,
В том зрелого ума искусство состоит
Тот слеп, кто жизнь слепой фортуне
посвящает,
Любимцами ее желает быть любим,
Им льстит наружностью, внутрь зависть
ощущает,
Их мерит высоту падением своим,
Желанья суетны пределов не имеют,
Богатство, почесть, власть, все нужно для
него,
Един имеет то, чем тысящи владеют,
И в сердце не речет *довольно мне сего*
Не ближе к щастию и тот слепец
подходит,
Кто честь и власть презрев, от света удален,
Достойно позабыт, позорну жизнь проводит,
В противных разуму пороках утоплен
Трудится суетно поклонник звучной славы,
Жизнь самую готов он в жертву ей принесть,
Отринув мирное спокойство и забавы,
Но слава ложная, молва пустая есть,
Как дым восходит вверх, как дым и исчезает,
Как звук теряется, ударя громко в слух
Хвала современных и лесть кого питает,
Знать славу истинну тех мал и низок дух
Велик, кто праведно венцом ее почтится,
К бессмертию пришел, оконча подвиг свой,
Потомством фимиам но поздный воскурится
Над гробом, где уже покоится ирой
И каменна скупца, к благим деяньям
мертва,
Труда исполнен век, имущ и скуден он,
Металлов верный страж, забот живая жертва,
Спокойство продано, что ж выручено? — Стон!
Есть в жизни важный труд,
есть должность в том трудиться,
Достойный смертного труд разума его,
К нему не тягостно, приятно есть стремиться
И сладко плод вкусить старания сего
Смесь качеств небо нам с рожденьем даровало,
В кругу несовершенств возможность лучше
стать,
В ином излишество, иного нет иль мало
Соблазн, пример, в разврат нас может
низвергать,
Еще рассудка нет, предрассужденьем
тмится
Ум нежной юности в невинные сердца
Привычек вредных зло свободно вкоренится,
Нещастны можем быть от детства до конца
Затем и надлежит себя познать стараться,
Из сердца своего пороки истребить,
С приятными страстьми но вредными
расстаться,
Дать силу совести, рассудок укрепить,
Душевных совершенств достигнуть столько
можно,
Достоинств истинных богатство приобресть,
Полезный, должный труд, который неотложно
Разумный над собой печется произвесть
Тогда пусть щастие тебя достойно любит,
Богатством, силою и честью одарит,
Завидный жребий твой другого не погубит,
Но паче помощью даров твоих снабдит
Когда в твоих руках блаженство всенародно,
Забудешь ли тогда употребить себя?
К творенью дел благих твой дух и сердце
сродно
Презрят ли случаи утешить сим тебя?
Равно пусть рок тебя возвысить позабудет,
Ты знатен и велик достоинством своим,
С тобой рассудок твой, с тобою совесть будет,
Спокойство при тебе, блаженство купно с ним
Приятно зреть себя трудящася вседневно
Над тем, чтоб существо свое усовершить,
И сладко чувствовать свидетельство душевно
Доброт в себе, каких не может рок лишить
Сие свидетельство собою превышает
Все льстивые венцы, свет кои может дать,
Гоненье, ни печаль его не погашает
Ни время, ни болезнь не в силах перервать

ОСЕНЬ

Не тщетную красу весна изображала
В натуре где краса, там польза купно с ней,
Нам цветом роскошным надежно обещала
Обильные плоды от щедрости своей
Веселы жители на нивы поспешают,
Не туне с их чела на землю лился пот,
К приятным пиршествам друг друга *приглашают*,
Награду зрят своих радетельных забот
Земля им семяна, которы получила,
Готова с прибылью великой возвратить
Так опытом людей природа научила,
Что Бог, создавший их, печется их хранить
Селяне в простоте соединить умеют
Веселье с пользою, работу с празднеством,
Взаимну надобность в пособиях имеют
И рады помогать приязнью и трудом
Опрятно нарядясь, веселыми толпами
Идут богатство нив соседу пожинать,
И скоро поле все уставлено снопами
Приспел хозяин к ним, приносит завтрак дать,
В приветствах пищею прилежность укрепилась,
Он рад, зря множество трудящихся гостей
Настал вечерний час, работа совершилась,
Идет в хозяйский дом толпа его друзей,
И с сельским торжеством последний сноп несется,
Там пляски, смех, игра есть отдых от трудов,
Там песен громкий глас далече раздается,
Позыв на пищу есть, и ужин им готов,
Довольны гости все, и он доволен боле,
Простясь, в веселии отходят от двора
Поутру пробудясь, спешит хозяин в поле
И смотрит радостно, что сделано вчера
С первейших дней весны уже заготовляют
Примерны пчелы сот и гнезды детям вновь
Сначала червячки чуть живы пребывают,
Вдруг с жизнью чувствуют согласие, любовь,
Сцепясь между собой, все матки ожидают,
Толпятся вкруг ее, с ней роем вон летят,
Шумя по воздуху, веселье изъявляют,
Хозяйство новое завесть себе хотят
Разумный пчеловод им дом уже готовит,
Звеня, стуча бежит за прибылью своей,
Не тщетные труды — царицу коль изловит,
Покорны все ему и неразлучны с ней,
Без лести преданы, усердны без притворства,
Не ждут от ней себе корыстей ни наград,
Не страх, любовь к трудам виною их проворства,
И граждан ревностных цветет их новый град,
Несут обилие, всем обще работают,
Особенно себе никто не соберет,
Вражды ни зависти в старании не знают,
Спокойны, сыты все, и трутень сыт живет
Так мухи слабые собою умножают
Богатство поселян, не злато, не сребро
Мед новый и млеко трапезу возвышают,
Их знатен пир где есть природное добро
Пир скромный! сколь тебя мой дух предпочитает
Веселью шумному и роскошным пирам,
Где Вакх свои дары и буйство разливает,
Склоняет, кажется, к забавам и играм,
Но страсть сокрытая стрежет сии минуты,
Как разум слаб, за ней приходят завтра вслед
Душе раскаянье, болезни телу люты,
Обман открыт, и с ним открыт источник бед!
Сбирая плод земли селяне поспешают
Задатки новые опять поверить ей,
Событочной себя надеждой утешают,
В скирдах богатство их, страны довольство всей!
Телеги полные, снопами нагруженны,
Скрыпя под тяжестью, катятся на гумно,
Там в поте и пыли, цепом вооруженны,
Прочь знают от плены взять чистое зерно,
И дети малые работают играя,
Краснеет и влачит сей бремя двух снопов,
Другие прыгают, повозки провожая,
Сии стараются подать наверх скирдов
Порода юная полезных земледельцев,
Расти и крепость сил телесных умножай,
Ты корень, цвет держав и сила их владельцев,
Простый и мирный век в заботе провождай
Без ропота твой круг работы бесконечен,
Но можешь ты другим досуги даровать,
Твоим раченьем сыт и в пище обеспечен,
Излишеством твоим свободен торговать
Богатый гражданин, ученьем заниматься
Любитель истины и красоты наук,
Охотник в дальний край на промыслы пускаться,
Художник обратить прилежность к делу рук,
Сыны отечества достойные готовы
Быть стражею границ, спасать твои поля
И кровью защищать родительские кровы,
В расправе правду блюсть обязан судия,
Обязан властелин не дать во угнетенье
Законом облегчить тебя в твоей судьбе,
Разумный чтит труды, ценит твое уменье
И добрый всей душой склоняется к тебе
Весы времян свое склонение свершили
Был летом север наш нагрет и оживлен,
Се с ночью день, труды с покоем уравнили,
И солнцу путь потом на юг определен
Завесу долгую с блестящими звездами
Простерла над землей нощь, матерь тишины,
За ней в молчании проходит небесами,
Единый токмо край вечерния страны
Еще горит зарей и вскоре угасает
Безмолвна тишина, не слышен коей ход,
Движенье шумное в природе прекращает,
Не зыбнется нигде поверхность жидких вод,
Не тронется листок, играющий с зефиром,
И ветры резвые уснули по горам
Нисходят действие свое простерть над миром,
Не мгла и не туман, претящи видеть нам,
Не мрачность страшная, что свет весь поглощает
Очам спокойная ночная темнота,
Котору ясных звезд сиянье освещает
Отверзлись тайные эфирные врата,

И темность важная, союзна с тишиною,
Низводит тенями толпы различных снов,
Велят рассеяться живейшею мечтою
И быть мучением иль радостью умов
Злодеям ужасы, призраки, люты мщеньи,
Развратным не покой, но скорбь и смерти страх,
Невольнику страстей пустые обольщеньи,
Забвенье зол его нещастному в бедах,
Незлобивый в душе сном мирным, легким дремлет,
Его спокойна мысль, спокойна в жилах кровь,
В усталости своей он силы сном приемлет,
Заутра свеж, здоров, щастлив и весел вновь
И спящу так ему мечты и ощущеньи
Суть сладки, ибо в них незлобив духом он
Сон зеркало души, чувств явны в нем движеньи
Сон есть и жизнь людей! и добрым сладкий сон

Но се уже свой вид природа изменяет,
Одежду роскоши готовится сложить,
Деяний круг свершив, ко сну себя склоняет
И сладость отдыха намерится вкусить
Зеленые луга багровеют, желтеют,
Лист, ветвей красота, поблек и прочь падет,
Сгущенные ручьи без живости хладеют,
Суровый дует ветр, студеный дождь идет,
И гонят из полей и рощей обнаженных.
Туманы влажные отъемлют солнца луч,
И люди, затворясь кругом огней возженных,
Желают наградить суровость снежных туч
Не летний теплый дух в полудни с юга веет,
Не каплями роса ложится по ночам,
На кровах, на лугах, в лесах там что белеет?
Холодный иней то, не радостный очам
Задумчивый снигирь уныло в рощах свищет,
Подруга леностно ответствует ему,
Синица резвая по ветвям скрытых ищет
Червей и пауков к питанью своему
Куда девался род тех разных насекомых,
Который царство все растений населял?
В каких теперь странах далеких, незнакомых,
Те птички, коих свист недавно нас пленял?
Уже приятность мест в глазах своих теряем
И стужу зимнюю готовимся встречать,
Но мыслью твердою унылость ободряем,
Что паки солнца луч придет нам год начать
В отсутствии утех надеждой веселимся

Надежда! спутница любезна наших дней,
Коль твердой мы твоей подпоры не лишимся,
И в самой крайности щастливы мы своей
А если, напротив, твой глас не обещает,
Что наши радости продлятся впредь для нас,
То в самой силе их нас скука возмущает,
Боязнь рождается, когда твой луч погас
Ты сердце в нас живишь утехи ожиданьем,
Приятною мечтой ты мысли веселишь
Во дни наполненны печалию, страданьем,
Ты гласу радости восставить нас велишь
Чего не зрят глаза, ни чувство не вкушает,
То живо, ясно то являешь ты уму
Где близость горести страшит нас, сокрушает,
«Не будем, ты гласишь, подверженны тому,
Обрящем способы от горя свободиться,
А если избежать возможности где нет,
Не долго нам удар тот может продолжиться,
И новой радости блеснет нам скоро свет»
Такими лестными и бодрыми словами
Ты сносными творишь премены жизни все,
Ты греешь смертного простертыми крылами,
При крайнем дней его присутствуешь часе

Сие столь сладкое в нас чувствие сердечно,
Премудрость, благость к нам небесную твердит
Увы! хоть время здесь дней наших скоротечно,
Но кто и в краткий век беды себе не зрит?
Кому не надобно премены ожиданье?
Болезнью мучимый, крепит дух слабый тем,
Что вскоре кончится томленье и страданье,
Что вскоре процветет здоровье паки в нем,
Надежда, лучший врач, от смерти восставляет
Невольник, с цепию презрение нося,
Грядущее себя свободой забавляет,
Темница, тягость уз забвенна будет вся
И правый, дни свои в незлобии ведущий,
Гоненью, зависти подвержен злых людей,
Чем тверд в нещастии? Он видит век грядущий,
Блаженство вечности и скорость жизни сей
Гонимого от злых и сильным пораженна,
От всех оставленна, утопшего в бедах,
Всей помощи людской, всей жалости лишенна,
Который нищ, презрен и всюду видит страх
О том небесная щедрота вспоминает,
К ослабшу духу шлет надежды светлый луч,
Она скорбящего в стенаньи утешает,
Разгонит, озарит собор суровых туч,
Конец, забвенье зол, отраду показует
В жилище вечности, в блаженных той краях
Страдалец более уже не негодует,
Уже веселый зрак в печальных кажет днях
Когда ему никто дать помощи не смеет,
Подобный человек не хочет сострадать,
Заботу кто ж? Творец о нем тогда имеет,
Зрит тварь, которую он сам хотел создать
Кто б ни был ты таков, унылый и скорбящий,
Колико б часть твоя жестока ни была,
Мужайся, есть Творец, свое созданье зрящий,
И злых, и жертву их, и правого дела,
Есть слух, внимающий безвинных тайну стону,
Есть благость но на ту чтоб мог ты уповать,
Будь прав, достоин будь к ее небесну трону
Надежду ты свою и слезы воссылать

О правость! сладкое сей жизни состоянье,
Невинность кроткая сопутствует с тобой,
К творенью дел благих всегдашнее вниманье
Веселья чистого источник есть драгой
Утех, раскаянья от коих не бывает
Ты в мире смертным нам всеобщее добро,
Но буйный человек цены твоей не знает,
Он блеском ослеплен, чтит злато и сребро,
Молвою восхищен, за славой вслед стремится
И, пагубен другим, зловреден сам себе,

В безумстве, в суете окрест тебя крутится,
Когда глас мудрости зовет его к тебе
Нет сердцу без тебя прямого услажденья,
Ты опыт сладостей, пример ты тех благих,
Мы к коим только здесь глас слышим побужденья,
Но кои правый дух во времянах других,
В щастливых времянах, не кратких, не пременных,
Не суетных, как здесь, но в век и без препон
Постигнет, ощутит, освободясь уз тленных,
Оставя здешний свет, несовершенство, стон!
Так лебедь, ощутя зимы приготовленье
И кроткую весну в иных краях познав,
К ним правит в небесах веселое стремленье
Приятным голосом шум зрителей прервав
Пар стынущей воды туманом вверх восходит,
Не видно берегов, окрестность скрылась в нем
Остатки теплоты полночный ветр прочь гонит,
Распростирает хлад в движении своем
Уже озер края в заливах леденеют,
Прервали с берегом свой милый разговор,
Ах, скоро воды все померкнут, потемнеют,
Недвижимы явят холодный, мертвый взор!
Еще колеблются, вздымают слабы волны,
Едва противятся, лишаясь томных сил,
Но мраз дыхание и руки хлада полны
Усилил, наложил и в лед жизнь превратил
Картина ужаса! Природа умирает!
Внимай, разумна тварь Увы! все нам твердит,
Что смерть идет нам вслед, к нам руки простирает
И в дальний, дальний путь готовым быть велит
До времяни того от смертных сокровенна,
Как смерть укажет путь неизбежимый всем,
Щедрота божия над миром вознесенна,
Невидима, к нам зрит в величестве своем,
К нам волею его премудро сотворенным,
Рассеянным по всей поверхности земной,
К скорбящим, к радостным, и к гордым, и смиренным
Низводит в тишине всевидящий взор свой
Нас, падших в слабости, отец чадолюбивый,
Без гнева разуму восставить он велит,
Он злобные сердца, надменных ум кичливый
Воззрением своим единым усмирит
И правыя души благословит желанье,
Наполня сладкою любовью добрых дел,
Всесильное свое к тому стремит вниманье,
Чтоб созданный им мир прекрасен был и цел
Под сим всевидящим и недреманным оком
Спокоен, радостен пробуди, человек
В надежде на него, в почтении глубоком
Уверься, что блажен возможешь быть в свой век,
Лишь так деянии располагай всечасно,
Чтоб око вечного взирающа к тебе
Ты мог вообразить бесстрашно, безопасно,
О, коль спокойный дух почувствуешь в себе!
Рассейтесь по земле щастливы земледельцы,
Трудами веселясь, трудитеся над ней,
И поля милого спокойные владельцы,
Довольны будьте вы сей низостью своей
Не знайте зависти к вельможам тем блестящим,
Которым пышностью ваш ум простой смущен,
По их наружностям вас в трепет приводящим,
Не мните, чтоб их дух был щастьем пресыщен
Нередко вам они завидуют обратно,
И вашу простоту щастливую ценят,
Противны случаи тревожат их стократно,
Вас в сладкой тишине они всегда быть мнят
Вы чаете себя премного отдаленных
От блага, коим столь избыточны они,
Но Бог нас чад своих, равно всех сотворенных,
Наполнил равенством в пременны века дни,
И сильному земли, богату, неимущу,
Дал каждому познать страданья горьку часть,
И в душу каждую, здесь времянно живущу,
Снискать к блаженству путь вложил способность, власть
Любовью к ближнему, согласием с собою
Спокойствие найдем, блаженство разделим,
Довольны будем все взаимною судьбою,
Вражду, раскаянье от сердца отдалим
Сим духом щастия, спокойства и свободы
Наполненному мне, живущему в селах,
Сколь много радости быть зрителем природы,
Дивясь ей следовать в великих той делах!
К полям ли обращусь, где класы зеленеют,
Богатой жаждою приятно дух манят,
К лугам ли, злаки где цветущие пестреют,
Где резвые стада, гуляя, пищу зрят,
На воды ли глядя, в безмолвии внимаю
Далече слышимый, приятный, мерный шум,
Иль, в рощи удалясь, в их тень себя скрываю
И тамо в глубину пускаюсь сладких дум
От сильных сих забав весельем сердце тает,
Смягченный теми дух смиряется во мне,
Внезапно чувствием покорность обладает,
Предивно зрелище мечтается в уме
Мне деятельность зреть верховную, святую,
В порядке, в благости держащую весь свет,
Мне зреть взнесенного в страну себя иную,
Где низкости, тщеты, пристрастий здешних нет,
Мне чувствовать страстей волненье утишенно,
Вражды причины все исчезнувшие вдруг,
Единое в себе желанье вкорененно,
Чтоб свято наблюдать устройства общий круг,
Который учредить власть вышняя хотела,
Который избрала премудрость та сама
Желаньем горестным душа во мне кипела
О лютых горестях и сердца и ума,
Какие век людской во вред наш возмущают,
То мысль к роптанию предерзкому влекут
То дух от благости небесной отвращают
И вместо тишины отчаяньем мятут

Ко мне приятное нисходит упованье,
Творит без робости готовым ко всему,
Блаженным делает мое здесь пребыванье,
Без ужасу к концу приводит моему
Боится ль осенью листок отпасть от древа?
Боится ль червь того, что хлад его сразит?
А мне от бренного земли рожденну чрева
Страшиться ль надлежит, что смерть мне предстоит?
С прекрасною весной червь к жизни воскресает,
И новым листвием вновь красятся леса,
Меня ль от бытия природа отвергает?
И вечную ль мне смерть судили небеса?
Творец, который всю вселенну оживляет,
Малейше существо щастливит и хранит,
Равно и нас, людей, на век не истребляет,
Но больше совершенств и жизни нам дарит
Предстаньте, грозные, жестокие напасти,
Какими смертных род бывает поражен,
Болезни слабых тел, душевны, люты страсти,
Хоть вами человек всеместно окружен,
Но ваше страшное бессильно все стремленье,
Дух ради вечности рожденный истребить
Пороков собственных его совокупленье
Лишь может только жизнь печалью омрачить
Любовь к премудрости их мраки прогоняет
Явить нам светлыми дни здешня бытия,
Любовь творить добро весельем наполняет,
Всех сладостей земных есть верх любовь сия
И после мрачных бурь, туманом разнесенным,
Луч солнца красного внезапно осветил,
Воззреньем радости, хоть слабым, отдаленным,
Растеньи, тварь, людей отрадой ободрил[1]
Так друг, которого жалеем, провождаем
Глазами и душой с далекого пути,
Еще к нам обратясь, любовью побуждаем,
Взаимно взглянет к нам и говорит прости

ЗИМА

Но деятельность вся природы исчезает,
Ее объемлет хлад, все в камень претворя
Едва издалека луч солнца проницает,
В полуденной стране свет скудный нам даря
Как сумерки весь день, весь день ждем света бела,
Сыр воздух и тяжел сгущением паров,
Иль хладом сжатый свеж, пронзителен для тела,
Являет нам лазорь и багру облаков
Вода льдяных цепей страшится, негодует,
Звучит но хлад ее старается сковать,
Настынувша, мрачна, вотще она волнует,
Престала, утомясь, оковами звучать
Мраз волны заключил в подледную темницу,
И ветр, предатель ветр, как вероломный друг,
Погод и времени лобзает колесницу,
Тут с нордом съединясь и общей силой вдруг
Уже содействуют воды на замерзанье
С ней прежнее свое согласие забыл,
И струй трепещущих с зефиром лобызанье,
И тишину, когда, уснув, в их лоне был
За то ль, что солнце уж прозрачных вод не греет
За то ль и ветер им сурово изменил?
Увы[1] и в людях то ж — Коль щастье охладеет,
Едва не враг ли стал, кто прежде дружбой льстил
Звук тусклый, томный стон уныло раздается
И днем и в темну ночь, под твердым сводом льда,
В пространстве берегов из края в край несется,
Свободы просит так разгневанна вода
От дальна севера, от вечных льдов пловучих
Нощь царствие зимы простерла над землей,
С ней вьюги, снеги, мраз, сонм вихрей, бурь ревучих,
И запад и восток подвластны стали ей
Безмолвиость в царстве той, свободно лишь дерзают
Мраз треском, воем ветр безмолвие прервать
Небесные огни с дрожанием сверкают,
Высокая луна печется мраки гнать
Увы[1] хоть светом нас она обогащает,
Но солнце теплоты ничто не заменит[1]
Оно хотя в дали проглянет, все смягчает,
Напомнит радости, уныние живит
Зри[1] белым инеем сгущенные сияют
Высокие леса, нагбенные кусты,
И пышность хладную, не нежности являют[1]
Еще манят наш взор в дреме своей сады
И рощи при селах, еще напоминая
Утехи, кои там вкушали в летний зной,
Гулять не можем в них, гуляем воображая,
Блюдем их зимний сон, чтим нужный им покой
При солнце искрами горит холодный иней,
Алмазы, изумруд и яхонт в нем блестит,
Померкнут все огни, коль солнце в туче синей,
По ветвям дунет ветр, прочь пышность вся слетит
В полях и по горам, по ледяным равнинам
Забавясь ветры вьют, снег дуют и метут,
Наносят в ряд бугры и горы по долинам,
Засыплют ночью путь, смеясь идущим тут
В холодной их игре участья не приемлем,
Не летний то зефир с прохладом крыл своих,
И визгу посвиста не радостно мы внемлем,
В жилищах теплых мы покоимся от них
Земля печальное лицо свое одела
Покровом белизны и сетует под ним,
Сей нежной матери утроба охладела,
Не хочет пищи та нам детям дать своим
Что ж? разве сила вся природы истощилась?
И действовать уже не будет та вовек?
Иль благость божия от смертных отвратилась?
Ах нет, всегда Творцу любезен человек[1]
Но люди все равны и все ему приятны,
Он ими населил весь шар земной кругом,
И, может быть, небес тела, нам непонятны,
Наполнены детьми предвечным сим отцом

Когда мы сетуем, что солнце нас забыло,
Он шлет его лучи к творениям другим
И тем, дабы равно как нам известно было,
Что им все созданы, живем и дышим им
Премудрость оного когда одних склоняет
Трудиться над землей для снеди той плодов,
Тогда другим странам в покое дозволяет
Вкушать созрелый плод раченья и трудов
Тогда, забыв поля, под снегом усыпленны,
Стекаемся под кров согласия любви,
Где в дружбе, в обществе, беседой оживленны,
Чтим склонность вместе быть, врожденную в крови
Погод и времяни премены он устроя,
Премену любящим сердцам в нас угодил
Спокойство по трудах, труд после дней покоя
Приятностию нам он новою снабдил
На зимни промыслы в край дикий, отдаленный
На лыжах по снегам охотники летят,
Песец, лисица, бобр и соболь драгоценный
Мехами теплыми в леса к себе манят,
Зверей одежды сих в нас зависть возбуждают,
Корысть в охотниках, тщеславие в градах,
И рыб от хитрости ловецкой не спасают
Ни толстый, крепкий лед, ни глубина в водах.
Нет, благость божия от нас не отвратилась,
Когда собрали мы кругом обильный плод
Природа запаслась и вновь обогатилась
Взамен что убыло в минувший ныне год,
Пусть виды многие, состарев, прекратились,
Исчезли смертию иль яствой для других,
Вновь виды свежие, младые появились,
Сохранна связь вещей и тварей цепь живых
Хоть слабый разум наш постигнуть неудобен
Всех таин естества и как сей создан свет,
Но кто в премудрости всевышнему подобен?
Кто лучше ведает, что нужно и что нет?
Кто к воле искони превечной приближался?
Едина благость, се причина всех миров
Порядок есть закон Бог коего держался,
Он рек, и словом был весь дивный мир готов!
На благость оную спокойно полагаясь
Воспользуемся всем ниспосланным добром,
Пробавить мы себе число утех стараясь
Пусть вянут красоты, блеснувшие кругом,
Пусть рощи и поля лишенны их явятся
Еще на радость есть сокровище для нас,
И думы ласково к нему всегда стремятся,
И чувство скучить им не может ни на час
Мы властны красоту его, нам так любезну
Умножить, сохранить и новый блеск дать ей
Горя желаньем зреть красу сию полезну,
Вопросят где искать ее? — в душе своей
Украсить сей предмет с прилежностью потщися,
И зрелищем его любуйся, человек
Дивясь природе, с ней величеством сравнися,
Краса проходит той, твоя пребудет ввек
Ты кротостью ль весны, воды ли тишиною
Прельщаешься, когда посмотришь вкруг себя,
Знай, больше прелестей составишь ты собою,
Душевну тишину и кротость полюбя
Утешно ли тебе природы состоянье,
Когда в согласии, в устройстве все течет,
К утехе внутренней склони свое вниманье,
Когда в тебе всех свойств согласие цветет
Наполнен ли твой ум достойным удивленьем,
Полезно действие зря солнечных лучей,
Но сердце чистое, горя благотвореньем,
Сколь много выгод даст в окружности своей
Великая душа чем выше вознесенна,
Тем больше доблестью ее прещастлив свет,
И деятельность вся, на пользу устремленна,
Лишь там не действует, возможности где нет,
Так лучшим в естестве явлениям подобен,
Единою душой своей возможешь быть
Пленяясь красотой, сам к коей ты способен,
Бездушные красы легко тебе забыть
Они заимствуют блеск слабый свой, непрочной,
От места, от времян, от склонности людей,
Твой блеск соединен с душою непорочной,
С пременами времян премен не будет ей
Весельем обольщен ты летом помышляешь,
Свет ради лишь тебя, для света создан ты,
Но мысль вернейшую себе ты представляешь,
Как строгая зима все рушит красоты,
Как, сдунув прелестей земных очарованье,
Тебя заставит быть с единым лишь собой
Предчувствует душа иное пребыванье,
С пременным миром зрит союз непрочным свой
Небесные огни не тщетно ей сияют,
Там вечный видит свет и огнь превечный там,
Бесчисленны тела бессмертность наполняют,
И чувствие летит к тем горним сторонам
Я искра тех огней, душа себе вещает,
Рождаюсь в мире сем, и детство в ней мое,
Теснят пределы здесь, и время прекращает
Распространенье там, там вечно бытие
Но время здесь еще во тьме препровождая,
Спускает свой полет к превратности земной,
И чувством добрых дел себя лишь услаждая,
В том жизни цену чтит, тем век щастливит свой
Так век златой не баснь, еще на свете длится,
Тому незлобным кто и добрым любит жить,
Природу кто любя, познаньем просветится,
Искусство к простоте умеет приложить,
Чей разум светел, чист, но неразвратны нравы,
Стремителен к добру, далек от мысли злой,
Чувствительностью жив, движеньи сердца правы,
Согласен с совестью и кроток, благ душой